

София Островская

**Академия для драконьего
лорда, или Няня по
контракту**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
О-77

Островская С.
О-77 Академия для драконьего лорда, или Няня по контракту / София Островская – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 216 с.

ISBN 978-5-524-00562-5

ОНИ ЗАКЛЮЧИЛИ СДЕЛКУ. ОН КУПИЛ ЕЕ ВРЕМЯ. ОНА РЕШИЛА ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЕГО ЖЕСТОКОСТЬ. НИКТО НЕ ЖДАЛ ЛЮБВИ.

Я была лучшим детским психологом.

Здесь — изгнанная попаданка без гроша и магии. Когда Лорд-Дракон Игнатий Чернокрылый ищет няню для проклятого неговорящего сына, я иду на аукцион услуг. Год моей жизни в обмен на свободу.

Его замок — ледяная крепость. Его сын — мальчик, чье молчание страшнее истерик. Правила дракона: не приближаться к нему, не задавать вопросов, не растить из драконёнка человека.

Но я не умею иначе. Буду лечить играми, сказками, песочной терапией. Даже если придется нарушить все запреты. Даже если отец, чувствуя магию моих методов, прижмет меня к стене и прошептит: "Ведьма". Даже если его ледяной взгляд зажжет во мне нечто запретное.

Я не собиралась влюбиться. Он не собирался открывать драконье сердце. Но когда враги посягнут на мальчика, мы станем командой. И я пойму: ранить можно не только когтями. А исцелить — не только магией.

ISBN 978-5-524-00562-5

© Lennex Corp, 2026
© С. Островская, 2026

София Островская

**Академия для драконьего
лорда, или Няня
по контракту**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
О-77

Островская С.

О-77 Академия для драконьего лорда, или Няня по контракту /
София Островская. – М.: Литнет, 2026. – 216 с.

ISBN 978-5-524-00562-5

Я была лучшим детским психологом.

Здесь – изгнанная попаданка без гроша и магии. Когда Лорд-Дракон Игнатий Чернокрылый ищет няню для проклятого неговорящего сына, я иду на аукцион услуг. Год моей жизни в обмен на свободу.

Его замок – ледяная крепость. Его сын – мальчик, чье молчание страшнее истерик. Правила дракона: не приближаться к нему, не задавать вопросов, не растить из драконёнка человека.

Но я не умею иначе. Буду лечить играми, сказками, песочной терапией.

Даже если придется нарушить все запреты. Даже если отец, чувствуя магию моих методов, прижмет меня к стене и прошептит: «Ведьма». Даже если его ледяной взгляд зажжет во мне нечто запретное.

Я не собиралась влюбиться. Он не собирался открывать драконье сердце. Но когда враги посягнут на мальчика, мы станем командой. И я пойму: ранить можно не только когтями. А исцелить – не только магией.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00562-5

© Литнет, 2026

© Островская С., 2026

Глава 1. Чужая жертва

Последнее, что я помнила из своего мира – это тихий шелест песка в лабиринте на столе. Мой маленький пациент, семилетний Саша, который не говорил уже год после травмы, осторожно передвигал фигурку волка к домику. Его пальцы дрожали.

– Волк устал, – прошептала я, наблюдая за движением. – Он долго искал свой дом.

Саша кивнул, не поднимая глаз. В кабинете пахло деревянными игрушками, бумагой и надеждой. Именно эта надежда – тонкая, как паутина, – была последней нитью, связывавшей меня с реальностью. Потом мир взорвался. Нет, не взорвался. Его вывернули наизнанку. Боль была не физической. Она была тоньше и страшнее: ощущение, будто тебя разматывают, как клубок, нить за нитью, память за памятью. Я видела вспышки: мамины руки, пахнущие хлебом; диплом в тяжелой раме; слезы Сашиной мамы, когда он впервые после долгого молчания произнес её имя. Эти вспышки вырывались из меня, улетали в клубящуюся тьму. Я пыталась цепляться за них, но они таяли, как снежинки на ладони.

А потом – падение. Стремительное, бездонное, в место, где законы физики были лишь забытым сном.

Я пришла в себя от холода. Ледяного, пронизывающего до костей, до самой души. Он исходил от камня подо мной. Гладкого, отполированного, как галька на дне древней реки. Я лежала на спине, и первое, что я увидела – это купол. Он был черным, но не от отсутствия света. Он был усыпан искрами, которые медленно двигались, словно живые звезды в запредельно густом небе. Они складывались в узоры – спирали, руны, чешуйчатые завитки. Эти узоры пульсировали тусклым багровым светом.

Я попыталась пошевелиться. Тело не слушалось. Оно было... чужим. Слишком длинным, слишком гибким, одетым во что-то лег-

кое и струящееся, что прилипало к коже от холода. Я подняла руку перед лицом. Длинные пальцы, бледная, почти фарфоровая кожа. На запястье – переплетение тончайших серебряных нитей, вплетенных в саму плоть. Они слабо светились.

Это не моя рука.

Паника, острая и беззвучная, сжала горло. Я не закричала. Инстинкт, глубокий и первобытный, шептал: Не шуми. Здесь есть что-то еще.

Я повернула голову, и мир накренился. Головокружение заставило меня снова закрыть глаза. Когда я их открыла, я увидела края каменного стола – алтаря. Да, это был алтарь. А вокруг... Круги. Концентрические круги, вырезанные в черном камне пола и заполненные тем, что светилось: то жидким серебром, то золотом, то чем-то похожим на ртуть. Они расходились от алтаря, подобно кругам на воде. Воздух гудел. Низко, на грани слуха, как гигантский трансформатор или... сердцебиение самой планеты. И запах. Озон после грозы. Сладковатый дым. И что-то металлическое, терпкое – кровь.

По краям зала, за пределами кругов, стояли фигуры в длинных темных одеждах. Их лица были скрыты капюшонами. Они не двигались, словно каменные изваяния. Их внимание было приковано не ко мне. Оно было приковано к нему. Он стоял между двумя массивными колоннами, прямо напротив алтаря. Высокий, затянутый в черное, которое сливалось с тенями. Лишь серебряные застёжки на мантии отсвечивали багровым. Его руки были подняты, пальцы искривлены в сложном, болезненном жесте. Но не это заставило мое сердце (чуждое, стучащее слишком быстро) остановиться на секунду.

Это были глаза. Они горели. Буквально. Золотым, вертикальным пламенем в глубоких глазницах. В них не было ничего человеческого. Только ярость, сосредоточенная до предела, и отчаяние, такое глубокое, что от него стыла душа. Его взгляд был устремлен куда-то

сквозь меня, в точку над алтарем, где висел, пульсируя, сгусток энергии. Он был похож на искаженное, умирающее солнце – в нем прыгали черные прожилки, а цвет менялся от ослепительно-белого до грязно-желтого.

– Лирисса... – его голос был скрипом разрываемого металла. Он звучал не в ушах, а прямо в черепе. – Войди. Прими сосуд. Оживи.

Энергия над алтарем забурлила. Из нее потянулись нити света, похожие на щупальца. Они коснулись моего лба, груди, запястий. Холод сменился жаром. Не тепло, а всепоглощающий, выжигающий жар изнутри. Я застыла, парализованная. Эти нити копались во мне, ища что-то. Искали душу. Но нашли не ту.

– Чистая душа из иного мира, не оскверненная магией... – я услышала обрывки мыслей, чужих, отчаянных. – Сосуд готов. Дорога открыта. Веду ее...

И в этот момент что-то сломалось.

Со стороны, от одной из колонн, где стояли свидетели, мелькнул едва уловимый жест. Слишком быстрый для человеческого глаза, но не для того существа у алтаря. Золотые глаза метнулись в сторону. Гул в зале взвился до пронзительного визга. Энергетические нити, соединявшие меня с пульсирующим сгустком, дернулись и начали рваться.

– НЕТ! – рев дракона (это был именно рев) потряс каменные стены. Пламя в его глазах вспыхнуло так ярко, что я зажмурилась.

Над алтарем раздался звук, похожий на лопнувшую струну вселенной. Сгусток света взорвался тихо, беззвучно, но волна ударила по всем. Меня отбросило к краю алтаря, воздух вырвало из легких. Я ударилась головой о камень, и мир поплыл. В наступившей оглушительной тишине я слышала только одно: хриплый, срывающийся стон. Мужской. Полный такой боли, что слезы сами потекли из моих чужих глаз.

Я открыла их.

Он стоял на коленях в центре разрушенных кругов. Его руки бессильно лежали на коленях. Пламя в глазах погасло, остались

лишь потухшие угли человеческого отчаяния. Он смотрел на свои пустые ладони. Из-за колонн вышла женщина. Ее вела под руку другая, в таких же темных одеждах. Она была невероятно красива и так же невероятно мертва. Ее кожа светилась неестественным фарфоровым светом, глаза были закрыты, а походка – безвольной, кукольной. Это было тело. Красивая, идеальная оболочка.

Пустая. Ее подвели к нему и осторожно опустили на пол рядом. Она мягко осела, как тряпичная кукла, ее голова упала на его колено.

Он не посмотрел на нее. Он смотрел на меня. И в его взгляде была вселенная ненависти. Я отползла, насколько позволило онемевшее тело. Серебряные нити на запястьях потускнели и погасли.

– Что... что ты сделала? – он не говорил. Это был шепот, вползающий прямо в мозг. Он поднялся с колен. Движения его были медленными, механическими, как у огромного хищника, который вот-вот сорвется с цепи.

– Кто ты?

Я открыла рот, чтобы сказать, что я не знаю, что я здесь нечаянно, что это ошибка. Но из горла вырвался только хриплый звук. Язык не слушался. Он был другим. Не моим. Он шагнул через тело женщины, не глядя на него.

Теперь он был в шаге от алтаря. Его тень накрыла меня целиком. От него исходил холод, более страшный, чем от камня. Холод смерти и безумия.

– Лирисса... – его рука дрогнула, потянулась ко мне, и я подумала, что сейчас он схватит меня за горло. – Где она? Что ты за существо забралось в ее сосуд?

Он наклонился ближе. Я увидела его лицо вблизи. Изможденное, с резкими, будто высеченными из гранита чертами. Темные круги под глазами. И в этих глазах – бездонная пропасть утраты. В них отражалась я – бледная, испуганная девушка с чужими глазами.

– Лорд Игнатий... – один из капюшонов шагнул вперед. Мужской голос, трепещущий от страха. – Ритуал... его нарушили изнутри. Чародейский канал был подменен. Это... это не душа лордессы.

– Я вижу! – рявкнул Игнатий, не отрывая взгляда от меня. Его пальцы сжались в кулак, и я услышала хруст костяшек. – Кто? Кто осмелился?

– Мы расследуем, лорд. Но... сосуд. Он жив. В нем чужая душа. В воздухе повисло молчание. Густое, тяжелое, как смола.

Игнатий Чернокрылый медленно выпрямился. Он смотрел на меня так, словно видел не человека, а мерзкое насекомое, которое разрушило последнюю надежду всей его жизни.

– Убить ее, – тихо сказал кто-то из толпы.

Золотые искры снова вспыхнули в его глазах, но теперь в них была не магия, а чистая, неконтролируемая ярость.

– Убить? – он повторил, и его губы искривились в чем-то, отдаленно напоминающем улыбку. От нее стало еще страшнее. – Смерть – это милость. Она украла у меня больше, чем жизнь. Она украла ее возвращение.

Он сделал шаг назад, его взгляд скользнул по бездыханному телу жены, и в его лице что-то надломилось. На секунду я увидела не лорда драконов, а сломленного горем мужчину. Но это длилось мгновение.

– Она останется жива, – провозгласил он, и его голос снова зазвучал в зале, ледяной и властный. – Она – свидетель. Ключ. И пешка. Ее душа пришла сюда по чужому следу. Значит, по тому же следу можно найти тех, кто это сделал. И когда я найду их...

Он не договорил. Но обещание мести повисло в воздухе, осязаемое, как запах крови.

– Что делать с ней, лорд? – спросил тот же голос.

Игнатий в последний раз взглянул на меня. Его ненависть была физическим ударом.

– Выбросить в нижние покои. Дать ей имя Вера – в память о вере, которую она украла. Не давать магии, не учить языку. Пусть живет в тишине и темноте, как тварь, которой она является. Она дышит, пока мне нужна ее связь с теми, кто это совершил. Когда связь оборвется...

Он повернулся спиной. Это было страшнее любых угроз. Я перестала существовать. Я была предметом. Проблемой, которую отложили.

– Уберите это с моих глаз.

Фигуры в капюшонах двинулись ко мне. Их руки, холодные и безликие, схватили меня за плечи, стащили с алтаря. Камень больно впился в босые ноги. Я попыталась вырваться, закричать, но один из них приложил палец к моему лбу. Волна оцепенения прошла по телу. Мускулы ослабли. Меня потащили прочь, мимо темных колонн, мимо кругов с потухшим светом. Я видела, как Игнатий снова опустил на колени рядом с телом женщины.

Он взял ее безжизненную руку в свои и прижал ко лбу. Его плечи содрогнулись один раз, и больше не двигались. Последнее, что я увидела, прежде чем тяжелые двери захлопнулись, погрузив меня в темноту коридора, – это его спину. Широкою, сокрушительную и бесконечно одинокою. Спину дракона, потерявшего все.

А я стала призраком в его замке. Девушкой по имени Вера в теле жрицы, с чужой душой в груди и смертельным приговором над головой. И первым, что я осознала в этом новом, ужасном мире, было не страх, не боль. Это была тишина. Абсолютная, всепоглощающая тишина. Тишина после краха. Тишина, в которой теперь предстояло жить мне, незваной гостье, ставшей причиной чьей-то вечной ночи.

Они уволокли меня в каменный мешок. Не покои, не темница в привычном смысле – скорее, забытое всеми пространство где-то на стыке фундамента и живой скалы. Воздух пах сыростью, временем и пылью. Дверь – массивную, дубовую, окованную черным металлом – закрыли с гулким, окончательным стуком. Щелкнул тяжелый замок. Я осталась стоять посреди темноты, обхватив себя руками. Чужими руками. Длинные пальцы, тонкие запястья в браслетах из вплетенных в кожу серебряных нитей – они теперь мои. Это тело дышало, сердцебиение отдавалось в висках, но внутри

была пустота, тошнотворное ощущение неправильности. Я была куклой, натянутой на чужой каркас.

Шок. Отрицание. Гнев.

Стадии горя. Я знала их наизусть. Но теперь я была не терапевтом, наблюдающим процесс. Я была причиной. Объектом чужого, всесокрушающего горя, превратившегося в ярость. Игнатия. Его имя висело в абсолютной темноте, как клеймо, выжженное на сознании. Я мысленно воспроизводила каждую деталь: золотые глаза, в которых пламя надежды погасло, оставив только человеческое, неприкрытое отчаяние; сцепленные челюсти; дрожь в руках, которую он подавлял железной волей. Его сила была не только в той магии, что сотрясала зал. Она была в абсолютном контроле. Даже в момент краха всего, ради чего он, очевидно, жил, он не зарычал, не разнес стены в клочья. Он приказал. И его приказ – оставить меня живой – ощущался холоднее и страшнее мгновенной смерти. Это был расчетливый, леденящий душу акт власти. Он превратил меня в инструмент. В приманку. В живой памятник своему провалу.

Я заставила себя двинуться, нащупать в темноте сверток, брошенный стражей. Грубое льняное платье, кусок хлеба, глиняная кружка. Унижение. Примитив. Я не стала переодеваться. Дрожь, которую я сдерживала, вырвалась наружу – мелкая, неконтролируемая, от страха, холода и чудовищной несправедливости всего происходящего. И тогда, сквозь толщу камня, я почувствовала его. Не звук. Не видение. Вибрация. Глубокий, мощный гул, исходивший не из стен, а из самой основы замка, из скалы под ним. Он нарастал, заполняя собой липкую, гнетущую тишину моей каменной коробки. Пол под босыми ногами слабо дрожал. В воздухе запахло озоном, пеплом и... горем. Таким концентрированным, что я закашлялась, и слезы выступили на глазах. Это было эхо его силы. Его ярости, которой он не дал вырваться в ритуальном зале. Она просачивалась сквозь магические барьеры, как радиация.

А потом пришли образы. Обрывки. Они возникали не в голове, а прямо в пространстве комнаты, будто тьма оживала и творила кошмары. Тень.

Огромная, драконья, падающая на силуэты башен из багрового неба. Не рев, а тихий, леденящий душу шепот, от которого трескается камень и гаснет свет в окнах. И глаза. Те самые золотые глаза, горящие уже не пламенем надежды, а холодным, безраздельным огнем владычества. И страх. Чужой, множественный, слепой страх сотен существ, скованный одной волей. Это было не воспоминание. Это происходило сейчас. Он выпускал свою мощь. Но куда? На кого? Дрожь скалы усилилась. Я услышала (или почувствовала кожей?) отдаленный, приглушенный грохот – будто где-то далеко рухнула башня. Или был повергнут гигант. Короткий, обрывающийся визг. И затем – наступила та самая пронизывающая, абсолютная тишина. Тишина после приговора. После казни. Гул постепенно стих. Вибрация ушла из камня. Давящее ощущение чужой, невообразимой силы исчезло, сменившись привычной, гнетущей темнотой подвала.

Я медленно сползла по шершавой стене на пол. Колени подкашивались. Я поняла. Только что, за эти несколько минут, я стала свидетелем не эмоционального срыва. Нет. Это была демонстрация. Хладнокровная, расчетливая, быть может, даже ритуальная. Лорд Игнатий Чернокрылый, только что потерявший жену, показал своим вассалам, врагам и самому миру одну простую вещь: его горе не сделало его слабым. Оно сделало его опасным. Абсолютно. Непредсказуемо. Он не рыдал в своих покоях. Он вышел и обрушил ярость на тех, кого счел виновными. Или просто попавшимися под руку. Он напомнил им, кто здесь дракон.

И я, запертая в этой каменной клетке, была частью этого напоминания. Живым символом того, что даже в бездне отчаяния его воля – закон. Его месть – неизбежна. Он оставил меня жить не из милосердия. Из прагматизма. И из жестокости. Смерть была бы милостью. Жизнь в темноте, в статусе вещи, напоминающей о провале... вот